

ВСЕГДА С НАМИ

Узкая лестница ведет на второй этаж, в небольшую четырехкомнатную квартиру. На стенах — плакаты, фотографии, стихотворные строки...

Мы в библиотеке-музее В. В. Маяковского. Еще не открыты после полугодового ремонта мемориальные комнаты, где с 1926 по 1930 год жил Маяковский, еще не готова новая экспозиция, но молодежь идет сюда прослушать лекцию, поговорить о творчестве любимого поэта.

В комнатах поэта все осталось так, как было при его жизни. Большой письменный стол-бюро, широкий диван, клетчатый плед на спинке кресла — в кабинете. Стол, горка с посудой — в столовой.

А в двух соседних комнатах, на небольших выдвинутых стеллах, в документах, фотографиях, цитатах воспроизведены даты жизни и творчества Маяковского.

Гражданская война. Маяковский в РОСТА. «Наступают всечасные Деникины. Пишу и рисую. Сделал тысячи три плакатов и тысяч шесть подписей» — пишет о себе поэт.

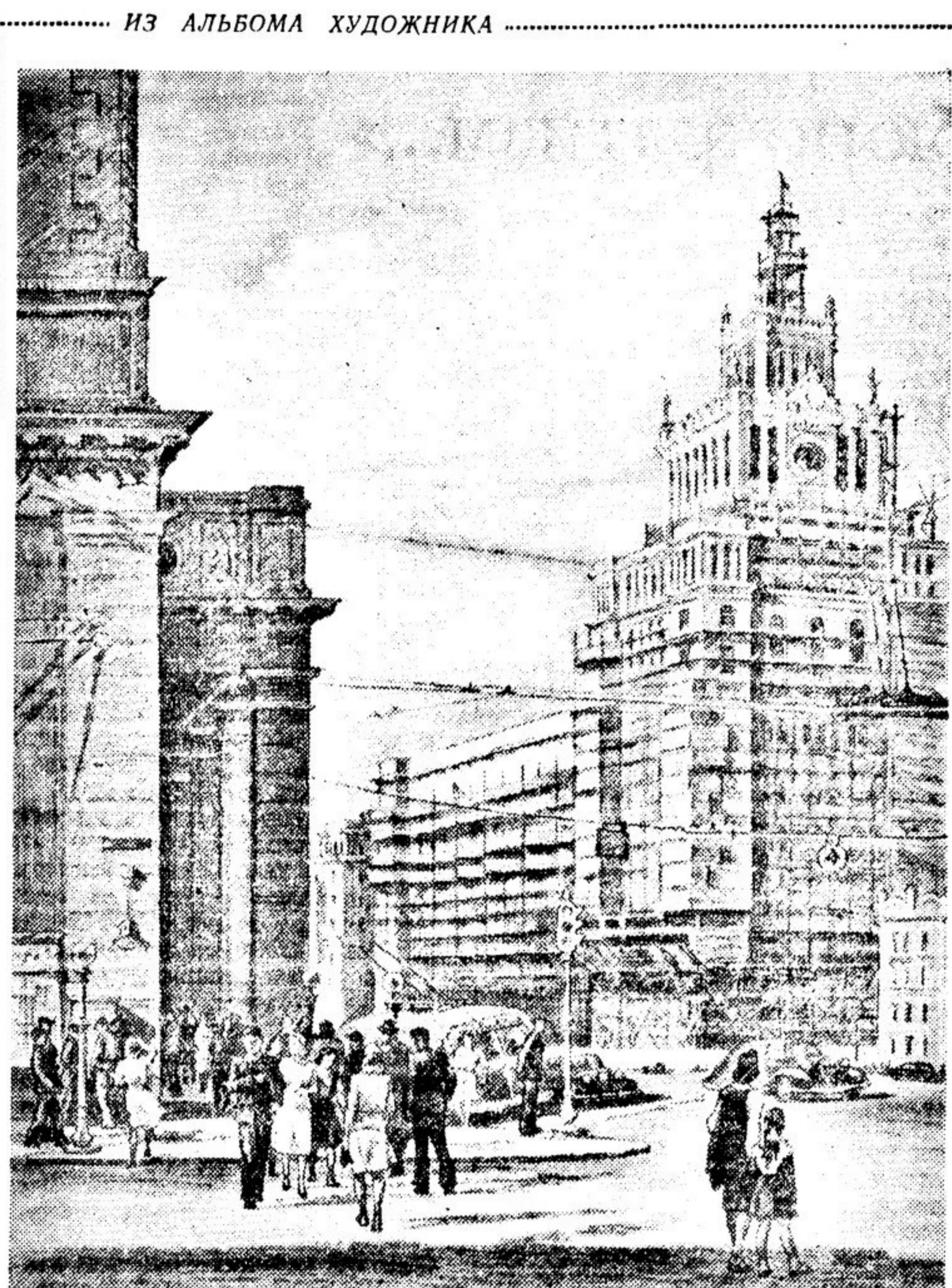
Рукописи, черновики, автографы поэм и стихов: «Про это», «Владимир Ильич Ленин», «Во весь голос», «Блэк энд уайт», «Порядочный гражданин» и другие. Титульный лист поэмы «Хорошо», которую автор считал «программной вещью» и над которой работал «сверхурочно», отдавая основное время сотрудничеству в газетах и журналах. Мы видим на фото около двух десятков корреспондентских билетов Маяковского — от «Комсомольской правды», «Известий», «Труда», «Крокодила» и т. д. Занесены в них поэты. Их свыше пятидесяти. К сожалению, несколько книг, о существовании которых известно исследователям, еще не разысканы.

В ближайшие дни библиотека-музей широко раскроет свои двери. Читатели, его «товарищи-потомки», снова заполнят комнаты, где все полно воинствующим духом, неутомимой энергией подлинного поэта-гражданина.

Конкурс на лучшее исполнение стихов поэта

В Государственном литературном музее в Москве открылся традиционный конкурс на лучшее исполнение произведений В. В. Маяковского. Конкурс посвящен 20-летию со дня смерти поэта и организован «Бригадой по изучению и пропаганде творчества Маяковского».

В конкурсе принимают участие сотни молодых рабочих, студентов и учащихся.

Великий город, знаменосец советской эпохи, — сколько тем дает художнику наша столица, наша красавица Москва! Растет, строится, с каждым днем все краше становится любимый город. И тема «Новая Москва», над которой я сейчас работаю, — для меня самая увлекательная.

Я несколько опоздала с изготовлением этого эстампа, — леса на замечательном здании, которое видит здесь читатель в газете, уже сняты. Дом вошел в строй. В меру своих сил и умения я постаралась передать в этом эстампе очертания нового здания на площади Маяковского, новый облик нашей Москвы.

Художник Е. САХНОВСКАЯ

Два агронома склонились над планом весенних полевых работ. План составляла Мария Максимовна Хашева, старший агроном Александровской МТС. Утвердить план должна Людмила Дмитриевна Даныко, директор МТС.

Даныко читает план и ставит на полях птички; число этих птичек растет и растет, и поперечная складка на лбу Людмилы Дмитриевны становится все глубже и глубже. У Хашевой явно портится настроение. А за окном над рыжей глинистой впадиной Кумы истощенными весенними голосами орут грачьи стаи, — вызывают в степь.

— Нет, — решительно говорит директор МТС. — Это не совсем то, что надо. Забери план, Мария Максимовна. Поработай еще. Пятидесятый год не похож на сорок девятый. Годы не повторяются. Вот и прорисуй лучше лично нынешнего года.

Хашева уходит огорченная, молчаливая. Ей кажется, что Даныко излишне нетерпима в вопросах агрономии, что этой нетерпимостью она хочет подчеркнуть: «Я хоть и директор МТС, а не перестала быть агрономом».

«Э, матушка, — думает Хашева, — попуттишься везу, пропахнешь бензином, а ничего не будешь видеть, кроме машин. Тогда я же и стану напоминать тебе о требованиях агронома, вот посмотришься...»

«Ветеру степного нехватает Марии Максимовны, — думает тем временем Даныко. — И виноваты в этом мы сами, покупаем агрономов в кабинетной жизни. Бумажек много, агроном записывается в них и перестает ощущать живое поле».

Директор МТС Даныко в бытность ее старшим агрономом Обленской МТС упорно отстаивала свои позиции степного, полевого, а не кабинетного человека.

И вдруг, как снег на голову: «Ввиду откомандирования директора Обленской МТС тов. Самойлова на учебу», райком партии вызвал Даныко и объявил, что у краевого отдела сельского хозяйства имеется единственная надежная кандидатура, и райком поддерживает ее.

— Оформляйся, Людмила Дмитриевна, и принимай МТС.

Смутилась Даныко. — Что же из меня получится, когда забью голову машинами, запчастями, ремонтом, эксплуатацией, горючим, финансами, техническими кадрами... Либо буду плохим директором, либо пропаду как агроном. Тогда сами же вызовете на бюро и...

— И поможем.
— ...и выпьем.
— И выпьем при случае, как раньше выпыла.

— Раньше я была за широкой спиной директора. Секретарь райкома лукавым взглядом огибал плечистую фигуру тридцатипятилетней казачки.

— Не будем, Людмила Дмитриевна, говорить о спине, считай, что тут Обленка ничего не проигрывает.

И вот Даныко приняла Обленскую МТС. Проще огромный, шумный, напряженный сельскохозяйственный год, и малоприятная «средняя» Обленка заняла первое место в районе — по использованию техники, по срокам работ, по удельному применению агрономических приемов и, как результат всего этого, по урожайности. Можно, оказывается, быть директором МТС, не переставая быть агрономом.

Райком партии с удовлетворением отметил: Даныко умеет работать и с машинами, и с людьми. Так держать, Людмила Дмитриевна! Сдала ты экзамен в Обленке, накопила директорский опыт, иди, принимай Александровскую МТС.

Людмила Дмитриевна Даныко долгое время работала в засухлившей приморской степи. Там приходилось бороться за каждую каплю влаги в почве. И Даныко

знает, что такое формальное использование машин. Бывает, что лучший тракторист с весны до осени разгребает под красным флагом: у него экономика горючего, у него больше выработка, у него нет холостых пробегов, все показатели у него — для красной доски, только урожай... хуже всех. Такой тракторист в поносе за гектарами хватается сплужившую работу, а те ту, которую он должен выполнить сегодня и никак не завтра. Даныко не раз воевала с директорами МТС, обвиняя их в формальном использовании машин. «И ты вой со мной, Мария Максимовна, — советует теперь она Хашевой, — следи, чтобы я не стала покладистой машиной ради машины. Планируй прежде всего на пользу растений».

Планировать не легко. Александровская МТС, расположенная недалеко от предгорий Кавказа (отсюда видны Бештау и Машук), впервые получила в этом году план посева новых культур: хлопчатника, клеверщины, сои, кормящих. Это вдобавок к огромным площадям кукурузы, подсолнуха, бабчевых и оторочных культур, винограда, плодовых садов, широчайшим полям пшеницы, ячменя, овса.

Всю зиму на курсах изучали приемы возделывания новых культур — учились тысячи колхозников и колхозниц. Даныко организовала переподготовку всех технических кадров МТС. Трактористы, наряду с машинами, изучали агрохимию.

МТС получила машины новых конструкций — сеялки для бурного сева хлопчатника и других пропашных культур, новые зерноочистительные машины. И все же в Александровской МТС при составлении производственных планов «баланс рабочей силы» трещал по всем швам.

Вместе с участковыми агрономами Даныко и Хашева «искали людей». Искали и не находили: огромное число колхозников было закреплено на обслуживании зерновых полевых. Звеньевая система на зерновых культурах привязывала этих людей к своим участкам. Дело доходило до того, что многие из членов таких звеньев как бы не считали своей всю ту бригадную землю, какая лежала за пределами участка звена. Даныко старалась привлечь зерновые звенья к работе на полях кукурузы и подсолнуха. Но не всюду ей это удавалось.

Агрономы вздохнули с облегчением, когда в станицах был получен номер «Правды» со статьей об извращениях в организации колхозного производства. На трибуну районного совещания передовиков сельского хозяйства вышли звеньевые-зерновники, осудили узость, малую воспитывалась звеньевой системой, говорили об открывшихся горизонтах.

— Вот когда поговорили по душам, — с удовлетворением вспоминает Даныко это собрание. — Разбогатели колхозные бригады после этого собрания, очень разбогатели людьми.

Отстаивавшая в прошлом году Александровская МТС с честью вышла из ремонта. Все 76 тракторов на ходу. Сварстаны планы весны.

— Посеять так, чтобы ни с кем не судиться, не соросится, — говорит Даныко. И добавляет, подумавши: — Хотя без хорошей драки и ссоры на первых порах никак не обойтись. Тут агроном должен быть на-чеку.

Мы выезжаем в степь. Дорогу перебегают похуливающие в зимней лежке суслики. Шиплют первую, едва приметную зелень, становятся столбиками и поспеивают с независимостью чрезвычайной: горюшки еще не прилетели.

Тракторные бригады Александровской МТС уже на местах, и Даныко гордится:

завь пахали до 1 января, на ремонт оставалась зима-коротышка, а ведь справились же. Кто скажет, что Александровка — отстающая МТС? Никто не скажет. Александровка имеет отличный коллектив. Только... напьем мы поганю. Ой, как мы поганю напьем, смотрите.

Краснощекая девушка с сияющими глазами, Мария Копина, ведет колесный трактор. Она вскакала уже первые гектары.

— Напьем, Людмила Дмитриевна! Уж заморозило ждуть, когда почва поест. Вот и двигаем! Только он, чорт четырехколесный, на дыбки становится!

— На дыбки? А ну, слезай!

Девушка пригнула мотор.

— Какую землю папешу?

— Считай, что целина, лет десять не пахались — выгон был.

— Кто-нибудь из горьковского колхоза видел твою работу?

— Никто не приходил.

— И ты пользуешься этим? Ведь не папешу, а корочку сдираешь. Где глубина? Пятидесятый сантиметр — ты же сама это видишь.

— Даю на дыбки становится!

— Эх, Маша, Маша! О чем мы с тобой всю зиму говорили, договор писали, брали обязательства вырастить полтора гектара пудов с гектара. И вот ты со своим колесным легком заблела на целину... Снимайся сию же минутой на боронование, вый на тот участок, а сюда мы придем «С-80».

...По такому же, как у горьковцев, подлинному участку движется в колхозе имени Ленина, лязгая гусеницами, могучий «С-80». Ветер его уже немолдой тракторист Мышаев. На плугах — недопустимо гордые подростки Виктор Шматов и Виктор Бирюков. За работой наблюдает председатель колхоза Марийко, Трактор идет тяжело, вздрагивает, временами подкашивает «за дыбки». Пахота явно мелка, неяркая.

— И ты смотришь, товарищ Марийко? — спрашивает председатель изумленная Даныко. — И ты маришь? Почему ты не потребуешь, чтобы Мышаев перепахал все это за твой счет, как браконьер?

— У него ж пережоги будут.

— А тебе жалко? Пусть снимет два корпуса, сделает меньший захват и добьется глубины. Кто будет отвечать за урожай? Жалеешь одного человека и называешь весь колхоз. Как директор МТС, я за экономно горючего. Но я агроном, товарищ Марийко, и запрещаю такую работу, если ты ее не догадаться запретить. Эй, Виктор! Слезайте, отвинчивайте задний корпус!

Первый же день работы может дать сто — полтора гектара негодной пахоты. Попробуй потом, исправь ее...

Даныко воеет, дерется за качество каждой бороны. Механизатор и агроном, она борется за высокую культуру земледелия, сочетающую в себе максимальное использование машин и своевременное применение передовых агрономических приемов.

Перед вечером Людмила Дмитриевна останавливается на зеленом участке корпандра. Этот африканский засек в осени и благополучно переживал. Даныко срывает маленькие розетки ароматных листьев, замучивно подносит к лицу.

— Вот же... Духи, мушкет, время для дыбки... Тут бы мне сейчас надуться, напудриться. А?.. А лучше всего теперь поехать бы. Я ведь не завтракала. Как в пять часов утра поднялась, так вот и гуляю. В общем, агрономы не пудрятся. Зато за агару они идут вне конкурса...

Станица АЛЕКСАНДРОВСКАЯ Ставропольского края

Анатолий АГРАНОВСКИЙ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Подвиг помора Гагарки

О ЧЕРК

1 Кажется, сама история вышла из тихих залов музея, из архивов и библиотек, из улицы этого небольшого поселка. Вдруг проглянет она в стрельчатых окнах промышленного магазина — приземистого каменного дома, где колесный воевода тюрлы некогда суд и расправу над сосланными пугачевцами, или оторвется в песчаном карьеру горы Соловарика серебряной монетой с изображением Митридата Понтийского, занесенной сюда, на берега студеного Баренцева моря, десять веков назад.

История подобралась к самой школе и пролегла вокруг нее старинным крепостным ровом. Ров вырыли стрельцы по велению Ивана Грозного. Сейчас он полузасыпан, в иных местах сравнялся с землей. По мальчишки подолгу стоят на пригорке, представляя себе былую славную битву. Поднялся шведов пологий и острогой с запада, вон с той стороны, где сейчас районный клуб. Стрельцы приняли неравный бой. Вот здесь, у нынешнего школьного крыльца, шла ожесточенная рукопашная схватка. Русские не пустились дальше вправо. А могучие герои, сдвинув свои головы во имя отчизны, нашли совсем недавно, когда рыли котлован для фундамента новой школы...

История буквально окружает колесный рефат. А ведь этого чудесного окружающего могло и не быть. То есть, все оставалось бы на месте, но магазин был бы просто магазином, гора Соловарика — только песчаным карьером, где строители берут песок, и даже старинный крепостной ров был бы обыкновенной, неизвестно кем и для чего вырытой канавой. Так оно, со-

ственно, и выглядит все для непосвященного.

Значит, педагоги Москвы, Углича и Ярославля, Смоленска, Кавая и Тюмени, Киева, Севастополя и Сталинграда и многих других городов страны могут, если можно так выразиться, «окажут историю» своих воспитанников. Могут, ибо многие памятники славы покрыты родная земля. И все они оживают, обретают особый смысл для ребят с приходом умного, талантливого, знающего воспитателя.

2 О чем ни заговорил сегодня с юными краеведцами Кола, начало их рассказов будет одно: «Александр Михайлович сказал...», «Александр Михайлович заметил...», «Александр Михайлович повествовал...». И если последовательно излагать историю помора Гагарки, то начинать следует с того же. Александр Михайлович Чарыгин, старый учитель физики, награжденный недавно орденом Ленина за многолетнюю безупречную работу, неутомимый колесный краевед, делал доклад в местном клубе об истории родного края.

...В 1854 году, прославленном началом героической обороны Севастополя, в Колесный залив пошел трехмачтовый английский корвет «Мирада», вооруженный четырнадцатью орудиями 36-фунтового калибра и двумя «бомбическими» двухдюймового калибра пушками. Корабль шел под британским флагом.

Маркс и Энгельс, — рассказывал учитель, — пристально следили за развитием Крымской войны, так охарактеризовали действия англичан на Севере: «...осадная эскадра занялась жалкими атаками на русские и апарские деревни и разрушением жалкого имущества нищих-рыбаков. Это позорное поведение английские корреспонденты описывают естественным раздражением эскадры, чувствующей,

что она не может сделать ничего серьезного!»

Итак, в августе 1854 года «естественное раздражение» англичан обратилось против маленькой затоптанной крепости Кола. Подойдя к ней на пушечный выстрел, англичане начали медленную, методическую, ладнокопную бомбардировку. Кола запылала со всех сторон. Но ответа берег: «шиварицкая команда», составлявшая колесный гарнизон, открыла стрельбу из двух старинных пушек. Рыбаки, охотники, крестьяне, укрывшись в лесу, били по корвету из ружей. С марсов вражеского судна попадали в воду матросы. На берег англичане высадились не решаясь.

— В народе сохранилась память, — продолжал Александр Михайлович, — рыбаке Гагарке, который помог нашим дедам отстоять Кола. Рассказывают, что еще у входа в залив англичане захватили медную с промысла шипку — рыбачью лодку. Они не знали фавората и приказали взятьому в плен рыбаку по прозвищу Гагарка стать у штурвала. Враги окружили его, смерть стояла у него за плечами, но вперед вырвались охотники родной земли. И Гагарка не изменил отчизне. Он посылал вражеский корвет на мель — Молочную коргу. Только в прыжке, через много часов сумели англичане снять корабль с корги и подойти к Коле. В ярости расстреляли они героя на Каменном острове...

Два друга, два десятиклассника Олег Липини и Коля Стрыгин, прослушав доклад, отирались на кладбище Каменного острова. Юношам хотелось найти могилу смелого помора. Ведь он, жертва жадности, спас коян, дал им время подготовиться к обороне. Это наш северный Иван Суевани!

Долго бродили они по старинному кладбищу. То и дело путь преграждали заросшие мхом воронки — следы недавно развалившегося авиабомб. Из-за сопки подымалась скалообразная гора. Но пугу перебегали причудливые голубоватые дуги, и колесничные тени ползли по земле. В отблесках ползучего синиши друзья увидели английскую надпись на черном камне. Текст читали трудно, но дату они разобрали сразу: «1918 год».

Новые документы о Маяковском

Эти документы хранятся в архивах сорок с лишним лет. Они воссоздают образ юного Маяковского — участника московского большевистского подполья и дают возможность уточнить многие детали жизни поэта в 1908 и 1909 годах, кстати сказать, необычайно скупо освещенных в литературе. Между тем, как раз эти годы имели огромное влияние на формирование мировоззрения поэта.

Перед нами: 134 листа «Дела о В. В. Маяковском, заведенного московским охранным отделением; протоколы допросов, найденные в делах департамента полиции; донесения секретного отделения канцелярии московского генерал-губернатора и московского градоначальника; жалоба полицейских чинов на «буйства» подростка-революционера...»

29 марта 1908 года — день первого ареста Маяковского. В Ново-Чухинском переулке в Москве, на квартире набошника Т. Трофимова, обнаружена подпольная типография Московского комитета РСДРП (большевиков). Маяковский залезал в подполье — протоколы его ареста и допроса в полиции, обыска, произведенного в квартире матери поэта Александры Алексеевны Маяковской, множество других документов, подробно рассказывающих о ходе следствия и поведении арестованного.

Маяковский освобожден «ввиду несовершенности», но тут же взят под особый надзор полиции.

С 4 августа 1908 года, день за днем шиком сообщают о каждом его шаге, вплоть до 18 января 1909 года, когда Маяковский был арестован вторично. В полицейском донесении сообщается: «...Чиним охранного отделения задержан и доставлен в управление участка неизвестного звания мужчина, назвавшийся потомственным дворянином Владимиром Владимировичем Маяковским, 15 лет, но на вид ему около 21 года».

В этот раз его обвиняют «в связях с группой политических экспроприаторов». И снова — протокол обыска в квартире Маяковских и допросов в полиции. Арестованный посажен в Суевский полицейский дом, пока следователь ищет улики.

Улик не обнаружено. Маяковский — на свободе. Но лишь на четыре месяца. 2 июня 1909 года его арестовывают в третий раз — по подозрению в содействии к побегу из московской женской тюрьмы 13 каторжанок.

«Принимая во внимание, — пишет градоначальник министру внутренних дел, — что настоящий побег совершен в местности, находящейся в состоянии усиленной охраны, по дерзости исполнения, обращает на себя внимание, как имеющий исключительное политическое значение, ходатайству перед Вашим Высочайшеподлинным ведомством о передаче дела... на рассмотрение Военно-Окружного суда для суждения виновных по законам военного времени».

За «непокорное» поведение Маяковского перебрасывают из тюрьмы в тюрьму: 3-й Мещанский полицейский дом, Басманный полицейский дом, Мещанский полицейский дом. В числе документов — жалоба смотрителя Маяковского дома:

«...своим поведением возмущает политическими арестованными к непозволительно низким полицейского дома. Наставлению требует от часовых служителей свободного входа во все камеры, называя себя старостой арестованных, при выпуске его из камеры... умышленно крану не входит более получаса в камеру, прохаживаясь по коридорам. На все мои просьбы относительно порядка Маяковский не обращает внимания... 16 августа, в 7 часов вечера, был выпущен из камеры... стал прохаживаться по коридору, подходить к другим камерам и требовать от часовых таковые отворить... Маяковский, обставив часового холум, стал кричать по коридору... Пожорно прошу не отказывать сделать распоряжение о переводе Маяковского в другое место заключения».

Все эти документы, хранящиеся в государственных исторических архивах Москвы и Московской области, полностью не опубликованы. Они лишь частично были использованы в некоторых исследованиях. Опубликование этих материалов, несомненно, представило бы большой интерес не только для биографов и исследователей В. Маяковского, но и для широкого круга читателей, интересующихся жизнью и творчеством лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи.

4 Секретарь Большого райкома партии Александр Сергеевич Смирнов привез юным краеведцам подарок — старинную книгу. Титульный лист не было, но Александр Михайлович, только перевертываясь любовно, — сразу определил: книга путешественника Харузина о Колесном полуострове.

Подарок был как нельзя кстати. Пожалуй, никогда за всю историю Кола здесь не увлекался так исторической литературой. Ребята надеялись найти упоминание о подвиге Гагарки в книгах. Мальчишки и девчонки, старшеклассники и младшеклассники, давно уже рыскали по библиотекам и клубам, читали все, что могли достать. Интерес к истории стал повстать всеобщим.

Секретарь райкома — огромный, статный, басовитый — с улыбкой рассказывает, как и его, не видя на занятиях, «отравил» школьники в свои краеведческие дела. Едкая, вот, в саамский колхоз «Вымус», на водопад Падуи. Беседовал с колхозниками о трудностях, о новых стройках. А потом сам не заметил, как разгорячился об истории. И старик-саами Никанор Толстиков поведал ему о жалованной грамоте Ивана Грозного на право «бесогонного, бесданного лова белуги на Падуе». Старик помнил грамоту чуть не наизусть, по рассказам отца и деду. Потом появилась на столе и книга Харузина...

Недавно комсомольцы пригласили Александра Сергеевича к себе в школу. Они просят его — нынешнего секретаря райкома и недавнего командира партизанского отряда «Большевик Золотаря» — рассказать о борьбе колески с фашистами. Они по-прежнему ищут следы Гагарки, но хотят все узнать и о другом герое — смелом разведчике из «отряда товарища С.», десятикласснике Коле Кузнецове, который в 1943 году под Танковером подорвал гранатой себя и окружающих его фашистов...

Е. КОСТРОВА

ОКОНЧАНИЕ СМ. НА 3 СТР.

МАЛЕНЬКИЕ МИЧУРИНЦЫ

Показать в стихах труд, показать его так, чтобы пробудил в ребенке любовь к труду...

Для больших работ Нужен мысли азлет, Да рука бойна, Да огонь в сердцах!

В каждом стихотворении П. Кистяковская показывает какой-нибудь отдельный момент из общей, дружной и веселой работы ребят в саду, в поле, на огороде.

Посадили яблоньку. Ранней весной чуть было не погубила она от мороза, да вовремя спас ее юный мичуринец...

В сад цветущий школьники превратят страну, Если каждый вырастит яблоню одну.

Разнообразна и увлекательна работа мичуринцев. Они собирают семена, деревья, выращивают ветвистую пшеницу.

П. Кистяковская. «Мичуринцы». Крымиздат, 1950. 32 стр.

Они воюют с грызунами-вредителями, собирают оставшиеся после жатвы на поле колоски...

Порою встречается не совсем звучная рифма и какой-нибудь нечеткий оборот речи. Некоторые стихи могли бы короче...

Даже не верится — Из семечка — деревце! А мешочек весь — Это хвойный лес.

И будь эта книжечка получше оформлена, напечатана на хорошей бумаге, с другими рисунками...

Было бы правильно, если бы Детгиз издал эту книжку с хорошими иллюстрациями...

Е. ПЛОТНИЦКАЯ, библиотечный работник МОСКВА

„К БЕССМЕРТИЮ ПРИЧАСТЕН...“

Вместо рецензии

Был поздний вечер. Бабушка, забившись в угол, вела свой вечный чулок. Мы спорили с Михаилом Михайловичем о литературе...

1) Не говори, что нет друзей в живых, Скажи: они еще не умирали.

2) Знаю — любимому городу счастье...

3) По звездам волнам океана К причалу далекому плыви.

4) Стихи о России Твоей красотой заколдован.

5) Не только тебя это сердце любило...

6) Не только тебя это сердце любило...

7) Не только тебя это сердце любило...

8) Не только тебя это сердце любило...

9) Не только тебя это сердце любило...

10) Не только тебя это сердце любило...

11) Не только тебя это сердце любило...

12) Не только тебя это сердце любило...

13) Не только тебя это сердце любило...

14) Не только тебя это сердце любило...

15) Не только тебя это сердце любило...

16) Не только тебя это сердце любило...

17) Не только тебя это сердце любило...

18) Не только тебя это сердце любило...

19) Не только тебя это сердце любило...

20) Не только тебя это сердце любило...

21) Не только тебя это сердце любило...

22) Не только тебя это сердце любило...

23) Не только тебя это сердце любило...

24) Не только тебя это сердце любило...

25) Не только тебя это сердце любило...

26) Не только тебя это сердце любило...

27) Не только тебя это сердце любило...

28) Не только тебя это сердце любило...

29) Не только тебя это сердце любило...

30) Не только тебя это сердце любило...

31) Не только тебя это сердце любило...

32) Не только тебя это сердце любило...

33) Не только тебя это сердце любило...

34) Не только тебя это сердце любило...

35) Не только тебя это сердце любило...

36) Не только тебя это сердце любило...

37) Не только тебя это сердце любило...

38) Не только тебя это сердце любило...

39) Не только тебя это сердце любило...

40) Не только тебя это сердце любило...

41) Не только тебя это сердце любило...

42) Не только тебя это сердце любило...

43) Не только тебя это сердце любило...

44) Не только тебя это сердце любило...

45) Не только тебя это сердце любило...

46) Не только тебя это сердце любило...

47) Не только тебя это сердце любило...

48) Не только тебя это сердце любило...

49) Не только тебя это сердце любило...

50) Не только тебя это сердце любило...

51) Не только тебя это сердце любило...

52) Не только тебя это сердце любило...

53) Не только тебя это сердце любило...

54) Не только тебя это сердце любило...

55) Не только тебя это сердце любило...

56) Не только тебя это сердце любило...

57) Не только тебя это сердце любило...

58) Не только тебя это сердце любило...

59) Не только тебя это сердце любило...

60) Не только тебя это сердце любило...

61) Не только тебя это сердце любило...

62) Не только тебя это сердце любило...

63) Не только тебя это сердце любило...

64) Не только тебя это сердце любило...

65) Не только тебя это сердце любило...

66) Не только тебя это сердце любило...

67) Не только тебя это сердце любило...

68) Не только тебя это сердце любило...

69) Не только тебя это сердце любило...

70) Не только тебя это сердце любило...

71) Не только тебя это сердце любило...

72) Не только тебя это сердце любило...

73) Не только тебя это сердце любило...

74) Не только тебя это сердце любило...

ВОЕННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Неувядаемы подвиги Советской Армии, совершенные в годы Великой Отечественной войны. Рядом с воинами шли в бой художники из студии имени М. Б. Грекова...

И на этот раз нас радует, например, картина молодого художника Б. Неменского «Друзья-однополчане»...

С подлинным блеском выступили графики студии имени М. Б. Грекова — П. Баранов, В. Бишков, В. Богаткин, П. Кирпичников...

Среди других скульптур выставки выделяется новая работа И. Першудова «И. В. Сталин»...

Наконец, всеобщий интерес вызывает макет генерального плана памятника воинам Советской Армии, павшим в боях с фашизмом (Берлин)...

Да это же Ашот Гарнакерыян! Ростовский поэт. Тот самый, между прочим, что сказал, вставая на стихи природы...

И я к бессмертию причастен И, возможно, больше, чем они.

А подробно с этим поэтом вы можете познакомиться, прочитав сборники: «Линии сквозь радугу», «Советский писатель», 1946, «Стихи и поэмы», Ростиздат, 1947, «Весна идет», Ростиздат, 1949 г.

В. ОГНЕВ

Николай АТАРОВ

1. Где-то в Загряжске, на районной автобазе, в жизни шоферов, ремонтников, моторных служащих молодой писатель разгадал черты нашего времени...

Этот писатель — Анатолий Рыбаков. Его роман «Водители» опубликован в трех книжках «Октябрь», открывающих 1950 год.

Никто не ищет сложной жизни на загроможденной автобазе. Грузчик Королев несет негодный график разгрузки и погрузки. Сварщик Смирнов придумывает, как восстанавливать изношенные детали.

Шофер Нюра Воробьева добивается капитального ремонта своего «колуна», чтобы несесть на этой старой машине сто тысяч километров.

Все это — одно бесконечное для управляющего автоточкой. Чинюник Канунников притык жить, не выходя за пределы более или менее сносно выполненной работы.

Всего этого — одно бесконечное для управляющего автоточкой. Чинюник Канунников притык жить, не выходя за пределы более или менее сносно выполненной работы.

Всего этого — одно бесконечное для управляющего автоточкой. Чинюник Канунников притык жить, не выходя за пределы более или менее сносно выполненной работы.

Всего этого — одно бесконечное для управляющего автоточкой. Чинюник Канунников притык жить, не выходя за пределы более или менее сносно выполненной работы.

Всего этого — одно бесконечное для управляющего автоточкой. Чинюник Канунников притык жить, не выходя за пределы более или менее сносно выполненной работы.

Всего этого — одно бесконечное для управляющего автоточкой. Чинюник Канунников притык жить, не выходя за пределы более или менее сносно выполненной работы.

Всего этого — одно бесконечное для управляющего автоточкой. Чинюник Канунников притык жить, не выходя за пределы более или менее сносно выполненной работы.

Всего этого — одно бесконечное для управляющего автоточкой. Чинюник Канунников притык жить, не выходя за пределы более или менее сносно выполненной работы.

Всего этого — одно бесконечное для управляющего автоточкой. Чинюник Канунников притык жить, не выходя за пределы более или менее сносно выполненной работы.

Всего этого — одно бесконечное для управляющего автоточкой. Чинюник Канунников притык жить, не выходя за пределы более или менее сносно выполненной работы.

Всего этого — одно бесконечное для управляющего автоточкой. Чинюник Канунников притык жить, не выходя за пределы более или менее сносно выполненной работы.

Всего этого — одно бесконечное для управляющего автоточкой. Чинюник Канунников притык жить, не выходя за пределы более или менее сносно выполненной работы.

Всего этого — одно бесконечное для управляющего автоточкой. Чинюник Канунников притык жить, не выходя за пределы более или менее сносно выполненной работы.

Всего этого — одно бесконечное для управляющего автоточкой. Чинюник Канунников притык жить, не выходя за пределы более или менее сносно выполненной работы.

Всего этого — одно бесконечное для управляющего автоточкой. Чинюник Канунников притык жить, не выходя за пределы более или менее сносно выполненной работы.

Всего этого — одно бесконечное для управляющего автоточкой. Чинюник Канунников притык жить, не выходя за пределы более или менее сносно выполненной работы.

Всего этого — одно бесконечное для управляющего автоточкой. Чинюник Канунников притык жить, не выходя за пределы более или менее сносно выполненной работы.

ЖИЗНЬ ИСКУССТВА

композиции, богатством замысла, высоким мастерством, выполнением. Однако несомненные успехи не снимают необходимости поговорить о неудачах творческого коллектива.

Итак, как же проложит эту клятву советских патриотов, она за другой звучит в нашем мире, о войнах охраняющих мирный труд советских людей...

Однако не всегда Краснознаменный ансамбль проявляет достаточную требовательность к поэтическому качеству песен.

Неудомение вызывает почти полное отсутствие на выставке работ, посвященных послевоенной жизни Советской Армии и Военно-Морского Флота...

Мы ждем от военных художников новых произведений, правды и мастерски рассказанных о Великой Отечественной войне.

М. МАНИЗЕР

НА КРЫЛЬЯХ ПЕСНИ

Верная спутница наших людей в труде, в бою и на досуге — советская песня становится все ближе и роднее честным людям всего земного шара.

Новую программу ансамбль открывает песней своего руководителя композитора Б. Александрова «Великому Сталину — слава!»

Собой, после резкого разговора в вчерашней кондукторской, вынуженной на диспетчерскую работу. Девушка-то оказалась поумнее...

С особенной настойчивостью Анатолий Рыбаков подчеркивает жизнепреобразующее значение и силу принципиальности.

Именно силой принципиальности Поляков спутал карты проходимца Вертилина, опрокинул его жульнические комбинации.

Целая галерея руководителей — от заместителя председателя областногокома до линейного диспетчера на шоссе — показана на страницах романа.

Ведь руководить в нашем обществе — это значит не только руководить по праву старшего, по праву приказа, но и по праву авторитета, завоеванного инициатором нового, человеком, сумевшим сплотить вокруг общего дела других людей.

В самом деле, по какому праву становится хозяином на дворе «чужого» кирпичного завода грузчик Королев?

«Здесь был только один авторитет — умение», — пишет Анатолий Рыбаков о моторном нехе автобазы и его руководителе Печелинине.

В романе, оно охватывает и самый тонкий, самый поэтический аспект — ночку в поле возле машин двух шоферов — Демна и Воробьева.

Демин — наставник и воспитатель Нюры. Спена ночлега, где лучший водитель базы, желая покорить девушку-шофера, возится около ее ветхого «колуна»...

Можно не соглашаться с мнением автора давать портреты — и Нюры и других героев, — слишком много стертых определений: «небольшая, широкая в кости», или «длинные черные ресницы придавали его серым глазам»...

Можно оспаривать также неизбежность некоторых патетических отступлений, режонерских сенсаций в конце каждой главы, хотя они — не от бедности содержания, которую надо замаскировать рассуждениями, а скорее от неведения в собственных изобразительных средствах.

Слашком поспешил автор на изобретение семейной жизни героев. Здесь Анатолий Рыбаков повторяет довольно распространенный в нашей литературе сюжет, который можно объяснить (но никак нельзя оправдать!) всепоглощающим интересом к теме труда.

Однако главный упрек должен принять автор по поводу механического решения судьбы бюрократа Канунникова. Нельзя примириться с тем, что автор освобождает коммунистов автобазы от активной борьбы со складничеством и деорганизатором, Брезгливым неумением Полякова не может быть оправдано тем, что «принимать меры — значит раздувать склянку».

И все-таки ошибки и несовершенство романа не определяют итога. Он подвигается по своим статьям оценок...

Враги коммунизма гугали человечество вселенским муравейником, нивелировкой личности. Бессмертная душа человека, горючки мракосебя, пойдет в топку коллективизма.

Наша действительность опровергает столетнюю клевету. Наша жизнь рождает литературу, которая на своих страницах, изображающих новую жизнь, дает ответ, утверждающий правоту коммунизма.

Грузчик, которому во все времена положено было иметь только опилку да руки, оказывается в романе «Водители» полновластным организатором производства.

Вся автобаза — от директора Полякова до сапосрей-подростков — живет на страшной произведениа такой богатой духовной жизнью, что, читая роман о водителе загроможденной автобазы, невольно вспоминаешь злбный заклятия мировой реакции — всех этих черных воронов, живых и мертвых. На поверку выходит, что, коллективически вяжа насчет «топки коллективизма», всего-то и оберегали она «индивидуальную» — глупую душонок жулика Вертилина! Ей-то и впрямь в нашем обществе податься некуда.

Среди старого, не желающего умирать, есть и старые образцы счастья, старые, уже теперь нмные пути его достижения. Подлый паразитизм, описанный в сотнях книг старой литературы, по-прежнему показан в книге советского писателя. Вертилин — призрачный заготовитель. История его загроможденной аферы, его скитания по району в поисках выморочных лиц для документов напоминают чинюновское злое из «Мертвых душ», как афераца напоминают жлобского диллоара.

Природа нашего общества обрекает стяжателя на безнадзорное хождение по мукам. Чувство страха исчезает у нас, может быть, прежде всех душевных мук старого мира. Но вот Анатолий Рыбаков изображает страх, постигший в нашей стране человека, — это ужас Вертилина перед разоблачением.

«Тысячи глаз, и все смотрят!» Исчерпанные паразитизма показали молодым писателем, как функция нашего общественного строя. Со времен Остапа Бендера прошло не так много лет, а между тем теперь уже не найти писателя, который бы, выпалив жулика талантом, не устал бы ненавидеть и жулика и его «стада».

Роман написан человеком, хорошо знающим то, о чем он пишет. Можно только позавидовать точности, с какой описаны и дальний рейс шофера Демна, и сборка моторов бригадой Печелинцева, и даже составление месячного отчета экономистом Поповым. Это не только хорошо — это очень важно. В силу глупости нашей роины в нашей жизни художнику, желающему хорошо познать внутренний мир героев, нужно отчаянно вить их труд, и Рыбаков выдерживает этот экзамен.

Партур Тимошин — не самый удавшийся из персонажей. Он меньше действует и больше разясняет. Но вот одна из страниц, посвященных партуру: «Нигде Тимошин так не чувствовал людей, как в процессе труда, за ставком. Сам первоклассный мастер, он по стилю работы сразу определял человека... Всеим своим существом, всем складом своей патуры, всей особенной чистотой и ясностью своих помыслов Тимошин глубоко уважал труд человека... В труде людей он видел творчество и ощущал его, как свое собственное. Этот глубокий инстинкт труда позволял ему понимать мастера, будь он, как сам Тимошин, токарь или слесарь, медник, сварщик, кузнец, шофер, режиссер, маляр или обшак».

Читатель и думаешь о росте нашей литературы и жизни, — будто невольно оказалось в этих строчках, каким хочет быть сам автор, каким должен быть советский писатель, неразрывно связанный со своим народом общностью идеалов, единым пониманием моральной и поэтической силы труда.

Л И Т Е Р А Т У Р Н А Я Г А З Е Т А № 28 3

НЕЗРЕЛАЯ ПОВЕСТЬ

«Мастером кто здесь? — Мастером? Я. Я. — Пискунов. Вот и котел тебе...»

«Я говорю — мастером кто? — соринка обрвал Карабанов. Пискунов вздрогнул. — И... я. — Ты? — Я? Пискунов. Фамлия моя — Пискунов».

Карабанов презрительно сощурил глаза. — Ну, так вот что, паря, — сказал он. — Скажешь мне эту правду еще — зубы вставяшь будешь... шпел!»

Так описывает автор первую встречу своего героя с мастером пекарня, куда поступает на работу Карабанов. После первого же знакомства с героем читателя поражают его грубость и какая-то несуетная первобытность его характера.

Карабанов — малокультурный человек. Он даже не может выразить ясно свое мнение.

«Вот вы — инженер...» — говорит он. — Скажите: так, как бы хотелось мне, сумеем я здесь поработать? — То есть? — Ну... ну, вот так... Он развел руки и сделал ими такое движение, какая обычно вынимают огромные куски теста из корыта... Должно быть, ему стало ясно, что движение рук и слова выразили не то... что хотелось...

«Не понимаю вы... Язык у меня дубовый, не то говорю».

Чем дальше читаешь повесть, тем более ясно видишь, что перед нами вместо незрелого советского рабочего — фигура старого дореволюционного пекаря, в свое время так великолепно воплощенная Горьким в образе Кисюля.

В основе стахановского труда лежит сознательное использование техники, рационализация, изобретательство.

А Карабанов добивается небывалой производительности лишь исключительным напряжением мышц своего «плотно сбитого тела». От избытка физических сил ему давно уже хотелось «повозиться», «сработать в свое удовольствие». К этому его подталкивали также и ежедневные «бучи» отца — бывшего пекаря, которому «перед старостью хотелось бы знать — остался ли род Карабановых?»

Стараясь подчеркнуть стихийную силу Карабанова, И. Денисов отрубает его от коллектива и нарочито карикатурно обрисовывает окружающих «героя» людей.

Так, директор хлебпекарни — рутинер, секретарь парторганизации — степенный, ограниченный дельца, мастер Пискунов — трусливый, излишне фамильярный парень, девушка-стесомес — неряшлива и глуповата...

В повести есть свежие образы, отдельные меткие характеристики, есть места, свидетельствующие о способности автора, но ему, видимо, мало помогали редакторы книги и товарищи из писательской организации.

Г. ШАРАПОВ, студент Государственного университета ГОРЬКИЙ

Юбилей поэта Георгия Леонидзе

Общественность столицы Грузии отмечает пятидесятилетие со дня рождения выдающегося грузинского поэта — лауреата Сталинской премии Георгия Леонидзе.

В театре оперы и балета имени З. Палиашвили состоялся творческий вечер юбиляра.

Имя Георгия Леонидзе, одного из любимых поэтов Грузии, пользуется большой популярностью далеко за пределами республики. Его произведения проникнуты благородным чувством советского патриотизма, дружбы народов многонационального Советского Союза.

Георгий Леонидзе — автор эпопеи «Сталин». В 1941 году поэт удостоен Сталинской премии. Эпопея о великом вожде переведена на русский, украинский, белорусский, азербайджанский, молдавский, таджикский, узбекский, татарский языки. Большой интерес проявляют к ней трудящиеся стран народной демократии. Она вышла уже на чешском, польском, румынском, венгерском, болгарском языках, переведена на китайский язык.

Самое увлеченно подвигом Гагарина могло стать столь длительным и горячим лишь в результате увлечения героикой Великой Отечественной войны. Самый интерес к истории воюющей и воюющих ребят из их внимания к сегодняшней жизни страны.

Это, конечно, случайность, что старинное стрелковое кладбище было обнаружено при постройке новой школы, а находка на горе Соловарке связана с карьерными разработками. Но совсем не случайность то, что всеобщее увлечение историей началось в Бюле с прошлого года. Новые перспективы раскрылись перед древней Бюлой, вот и возрос у ребят интерес к своему городу. Научная прошле, они учатся еще больше ценить настоящее: знание всего пройденного пути помогает им лучше представить будущее.

Хотелось ребятам наглядно представить себе место подвига Гагарина, — встал строить мавзей древней Бюльской крепости. С бойниками, глубоким яром, лвенационным собором. Едва закончилась эта работа, как возникла новая мысль — строить мавзей современного поселка. А когда была выставлена для всеобщего обозрения двухметровая «сегодняшняя Кола», захотелось ребятам построить «Бюлу завтрашнюю». Снашком уж многое во втором мавзее было устремлено в будущее — здания строящегося завода, каменная кладка новой школы, фундамент новой больницы...

Уже электрики закончили свои таинственные приготовления, рубильник был выключен — и засияла-засветилась будущая Кола. Вдоль широких проспектов стояли пятиэтажные красивые здания. Свет падал из многочисленных окон на густые зеленые аллеи. Прямые улицы обегались в прекрасном плошаме. На главной площади стоял в сверкании огней Юльский дворец пионеров. А посреди шестуемого парка возвышался величественный памятник помору Гагаре.

«Уважаемый товарищ Эренбург! Это письмо Вам пишут комсомольцы Юльской средней школы. Мы, вместе с нашим учителем Александром Михайловичем

время так великолепно воплощенная Горьким в образе Кисюля. Но как несправедливо выгладит такой образ в наших условиях. Механически перенося черты характера дореволюционного пекаря, босяка Коновалова на Карабанова, молодой писатель И. Денисов, естественно, нарушил правду жизни, искажая облик стахановца.

В основе стахановского труда лежит сознательное использование техники, рационализация, изобретательство.

А Карабанов добивается небывалой производительности лишь исключительным напряжением мышц своего «плотно сбитого тела». От избытка физических сил ему давно уже хотелось «повозиться», «сработать в свое удовольствие». К этому его подталкивали также и ежедневные «бучи» отца — бывшего пекаря, которому «перед старостью хотелось бы знать — остался ли род Карабановых?»

Стараясь подчеркнуть стихийную силу Карабанова, И. Денисов отрубает его от коллектива и нарочито карикатурно обрисовывает окружающих «героя» людей.

Так, директор хлебпекарни — рутинер, секретарь парторганизации — степенный, ограниченный дельца, мастер Пискунов — трусливый, излишне фамильярный парень, девушка-стесомес — неряшлива и глуповата...

ВЕНГЕРСКИЕ ЗАПИСИ

Николай ТИХОНОВ

Четвертого апреля свободный народ Венгерской республики справил великое торжество — пятилетие освобождения родной страны.

На горе Геллерт, высоко над Будапештом, стоит памятник советским войнам — освободителям венгерской столицы от фашистского ига. У его подножия лежат венки и стоят часовые. Садит памятник стена цитадели, вся в шрамах и рубцах, как напоминание о подвиге, совершенном людьми, прошедшими от берегов Волги до берегов Дуная.

Внизу под горой в темном дожде вечернем тумане блещит широкая река, и на ее берегах — оны огромного города, где сегодня гремит и торжествует свободный труд свободного народа.

Только перекая вы увидите на больших улицах развалины, и окружены лесами. По освещенным улицам движутся люди, — вы слышите смех и шумный разговор, вы видите сияющие глаза молодежи.

В магазинах можно купить все, что хотите. Там продают много, покупают хорошо. Пять лет назад в этих магазинах стояли отчаянные фашистские лошади, предназначенные в пищу незадачливому гитлеровскому вождю.

Пять лет назад беззащитцы сидели в подвалах и грызли сухие корки, прислушиваясь к тому, как над их головами ругаются дома. Кровавые палачи из фашистского стана хотели стереть город с лица земли. В залах парламента они устроили баррикады, желая уничтожить это замечательное здание. Сегодня в тихой дымке вечера парламент, восстановленный с великим трудом, со своим бледным куполом, подсвеченным электрическими лампами, возвышается над Дунаем, и его черные башни возносят свои длинные шпаны в темное небо, как будто он никогда не знал утеса разрушения.

Не просто было восстановить его сотни комнат и зал, облицованных лучшими сортами дорогого дерева, бесчисленные деревянные орнаменты, огромные фрески, цветную мозаику, высочайшие лестницы и широчайшие окна.

В Национальном музее посреди большого зала стоит всадник — копия знаменитой статуи Бюллони, всадник без руки. Крутом ногом шед рукопашной бой, держась из зала в зал, граната оторвала всаднику руку. Сегодня он сидит в седле, такой же гордый и грозный, как будто вспоминает дни, когда, окутанный пороховым дымом, он, потерявший руку в бою, приветствовал своих освободителей с красными звездами на касках — освободителей, спасших для венгерского народа сотни и тысячи драгоценных произведений искусства. По залам музея шут экскурсия, картины висят на стенах, статуи стоят на месте, все как было, все в порядке.

Жизнь продолжается, но это уже новая жизнь. Она свежа и величественна, как длинный, великолепный проспект, окаймленный деревьями, уходящими вдаль, проспекты, носившие имя великого Сталина.

Какие бы ни было время года, не в Венгрии сегодня дует ветер весны. Над старым Будапештом, над Хортубадской пистой (стеной), над широкими степными просторами, над лесом заводских труб Чепель, Уйфешта, над горами Матри и Балатонскими берегами, над маленькими сельскими и большими городскими пригородами от весенний ветер и веселит сердце простого человека, который отныне твердо верит, что проклятое старое никогда больше не вернется.

Надвое и направо легли плоские поля острова Чепель, как будто для того, чтобы подчеркнуть подымающиеся непрерывными рядами высокие стены чепельских заводов.

Эти заводы не похожи на советские промышленные гиганты, где господствует новейшая передовая техника. В них много еще старинки, но черты нового — на каждом шагу. На стенах цехов — большие портреты Ленина и Сталина, портреты Ракоши, украшенные лентами, иногда нарицательные местными художниками из рабочих.

Грохот трубопроводного цеха, оглушающий лязг металла, расклеванные брилли, белые трубы, дожидающиеся пожелтой рабочей в перерыве держат над обручами расклеванной трубы скорорудку, на которой дымится большой кусок свиного сала. Он подмигивает и говорит: «Что не работает, тот не ест. Вы думаете, это простая скорорудка? Нет, это диаграмма... Прежде я мог мой кусок на завтрак поджаривать в столовой ложке, а теперь, видите, какой мой завтрак! Это не скорорудка — это диаграмма нашего роста!»

В стаффельном цехе точно солнце вается под вашими ногами — так ослепляюще бегут лучи от металла вверх по стенке. Летят стучи. В флюдетовое стекло видно: как водопад, летит вниз ее потоки.

Здесь юный восемнадцатилетний литейщик Миклош Ковач дал за восемь часов работы 1.466 процентов плана. Такого превышения нормы не знали никакие мастера прошлого. Слово «стахановец» живет здесь всюду. Оно пошло и в судостроительном, и в текстильном, и в шахтерском, и по всей рабочей Венгрии.

Рабочие, как и крестьяне, выполнили трехлетний план, и теперь на очереди — план пятилетний. Учиться советскому опыту, непрестанно совершенствовать технику труда — это твердо знает венгерский передовик производства. С каким вниманием он слушает слова и советы советского мастера, прославленного сталева или знаменитой советской ткачихи!

Строятся новые заводы, где уже нет остатков техники, где другие навыки и другие темпы. На старых заводах новаторство производства старается изжить печальное наследие, поднять производительность труда, добиться новых успехов, выжать все, что можно, из старых, измотанных машин и станков. Это нелегко, но десятки тысяч рационализаторских предложений, что вносят рабочие ежедневно, их самоотверженный труд — залог того, что они достигнут победы и сдержат свое слово.

и зрители картины классовых борьбы. Враги народа составляют заговор против передовых крестьян, и когда этот заговор раскрыт и все враги захвачены с полчищами, театр разражается бурными аплодисментами.

В театре идет и первая пьеса на индустриальную тему, пьеса молодого драматурга Манди Евы «Люди будущей» о рабочих Чепеля.

Венгерская литература еще не может похвастаться тем, что она идет вровень с производственными успехами страны, но эти две пьесы — тоже первые зачатки венгерской весны.

Первую победу одержал венгерский цветной фильм — в кинотеатрах демонстрируется картина «Лудаш Мати». Этот фильм создан по известнейшей поэме Фазекаса, написанной на основе народной легенды. Веселый, остроумный Лудаш Мати — народный герой, заставляет дрожать перед собой важного барина, венгерского сатрапа Дебреги. В сценарии много народного юмора, он социально насыщен, фильм красочен. Этот фильм — настоящее большое прикладное искусство.

...Наша делегация, объезжая Венгрию, имеет дело с самыми разными слоями населения, всюду встречала замечательно теплое отношение ко всему, что связано с Советским Союзом, советским народом. Горячей любовью окружает венгерский народ имя великого Сталина, освободителя Венгрии. Его портреты висят и в больших залах народных дворцов и в маленьких домиках рабочих предместий.

В семидесятитри года И. В. Сталина трудовое соревнование венгерских рабочих стало массовым, потому что каждый рабочий хотел вложить свою долю трудового героизма в дело, которое с каждым днем приближает Венгрию к социализму.

Венгерские поэты выпустили специальный сборник стихов, посвященный вождю трудящихся всего мира.

Очень велика тяга в венгерском народе к советской социалистической культуре и к русскому языку. В Дебрецене я был радостно удивлен, когда в местном лицее ученики наперебой говорили по-русски стихи и приветствия. Кто очень хорошо, кто похуже, но каждый жаждал пронаезить хоть несколько слов по-русски. Оказалось, что они, ученики лицея, при помощи своих преподавателей основали специальный кружок изучения русского языка и привлекают к нему все новых и новых ребят.

Широко известны имена советских писателей и поэтов, особенно популярно имя Маяковского, стихи которого вышли в переводах в разных изданиях, для взрослых и для детей.

В просторных помещениях венгерского парламента шумно и весело. Это правительство принимает в залах парламента людей труда, собравшихся со всей страны на первое совещание стахановцев. Они совещались по всем важнейшим вопросам стахановского движения, делились опытом, слушали выступлений советских представителей-стахановцев, а теперь пришли в парламента после окончания совещания.

Они танцуют, поют песни, разговаривают, сидят за столами, уставленными прекрасной едой и прекрасными венгерскими винами, они веселятся, как умеют веселиться венгерские рабочие.

Здесь среди них и товарищ Ракоши, который знает их трудовые подвиги и с которым они запросто беседуют.

Председатель парламента увлекает нашу небольшую группу в глубину огромного здания. Мы оставляем шумные залы и идем так долго по пустым коридорам и комнатам, что последний отголосок шума стихает где-то вдали. В этих больших коридорах с вышоченными потолками прохладно, и мы не можем никак понять, куда он нас ведет.

Однако он неумолимо идет вперед, и мы уже потеряли счет поворотам. Но вот он входит в темный, совершенно темный зал и просит нас подождать на пороге. В зале холодно. Из темноты гулко звучат его шаги, потом он находит выключатель, и зал внезапно заливается светом. Мы видим, что это зал заседаний парламента. Он пуст. Председатель парламента идет к трибуне и просит нас войти в зал. С трибуны он говорит: «Вы стоите там, где обычно сидят министры. Ну, ничего, присядьте на их места...»

Мы садимся. Он подходит к месту председателя и нажимает звонок. Звонок звенит в холодном зале самым обыкновенным звоном. Председатель говорит со своего места:

— Это обычный звонок, как президентствующий напоминает оратору, что его время пришло к концу... А вот теперь слушайте...

Он нажимает сразу двумя руками какие-то кнопки, и что-то страшное рушится на нас. Это такой грохот, свист, рев, крикий, долгий, отчаянный, что невозможно сидеть на месте. После двух минут такого рева можно только обратиться в бегство.

— Это, — говорит председатель, когда рев уймется, — он и придумали специально, чтобы заглушить голоса оппозиции. Я велел это оставить на память, не уничтожить. Мы и х заглянули и без этого навсегда!

В его голосе торжество и уверенность победителя. Мы знаем, что он рабочий — слесарь, и, может быть, именно в вечер стахановцев он должен был совершить эту прогулку в ночной парламентский зал.

...Да, о нем, то-есть все враги народной Венгерской демократической республики, заглажены, но они еще пробуют бороться и вредить при помощи своих заочных хозяев. Они хотят, как и их хозяева, разжечь новую войну, утопить в крови все достижения венгерского народа.

Но «Венгрия — не брешь, а прочная крепость по фронту мира», — эти слова Матяса Ракоши помнит венгерский народ. Венгерский народ смело идет вперед, потому что дело мира и народы, борющиеся за мир, имеют великого вождя и соратника в борьбе за мир, величайшего защитника мира во всем мире — Иосифа Виссарионовича Сталина!

Оружие стачки против оружия войны!

ДОКЕРЫ ЗАКРЫВАЮТ ПОРТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО И АФРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТОВ ВООРУЖЕНИЮ И ВОЕННЫМ МАТЕРИАЛАМ, ПРИБЫВАЮЩИМ ИЗ США

Из-за океана в порты маршаллизованных стран Западной Европы отправляется из Соединенных Штатов оружие — необходимое дополнение к тому пушечному мясу, которое сербуют на европейском континенте мистер Трумэн и его подручные. Но докеры западноевропейских стран, стоящие в авангарде борцов за мир, несмотря на все угрозы, отказываются разгружать продукцию заокеанских фабрикантов смерти.

Вот краткий перечень портов Западной Европы и Африки, где в последнее время докеры сделали поджигателям войны грозное предупреждение.

НОРВЕГИЯ

◆ ОСЛО. 6 марта состоялся большой митинг сторонников мира. Выступавшие призывали не допускать ввоза в Норвегию американского вооружения. На состоявшейся демонстрации молодежь несла плакаты: «Вон из Норвегии американскую военную миссию!», «Норвегия должна выйти из Атлантического блока!»

ДАНИЯ

◆ КОПЕНГАГЕН. 14 марта, выступая на митинге сторонников мира в Лондоне, лидер копенгагенских докеров Кристиансен заявил: «Я не сомневаюсь, что, когда в Данию придут американское оружие, копенгагенские докеры откажутся его разгружать».

ЗАПАДНАЯ ГЕРМАНИЯ

◆ ГАМБУРГ. 20 марта девять комитетов в защиту мира в коллективном воззвании призвали трудящихся Гамбурга отказываться от разгрузки и перевозки военных материалов.

◆ БРЕМЕН. Докеры приняли резолюцию, в которой выразили солидарность с бастующими докерами Франции, Италии, Бельгии и Голландии. Аналогичная резолюция принята в Бремерхафене.

ГОЛЛАНДИЯ

◆ ЗАНДАМ. 18 февраля состоялось массовое собрание трудящихся, которые вынесли резолюцию о поддержке портовых рабочих, отказавшихся разгрузить пароходы с военными материалами.

◆ АМСТЕРДАМ. 25 февраля 15-тысячный митинг докеров и других рабочих принял резолюцию, в которой говорится, что они будут бороться за дело мира и откажутся разгружать американские военные материалы.

◆ РОТТЕРДАМ. 17 марта докеры на митинге подтвердили свое решение не разгружать американское вооружение. Местный комитет сторонников мира обратился к докерам восточного побережья США с призывом воспрепятствовать погрузке в портах Америки военных материалов, предназначенных для маршаллизованных стран.

ФРАНЦИЯ

◆ Опираясь на всенародную поддержку, одновременно с антивоенными выступлениями в промышленности и на железных дорогах Франции, докеры Донкерка, Гавра, Шербурга, Нанта, Сен-Назера, Марселя, Ла-Рошели и других портов выступают против подготовки новой империалистической войны и приступают к активным действиям.

ИТАЛИЯ

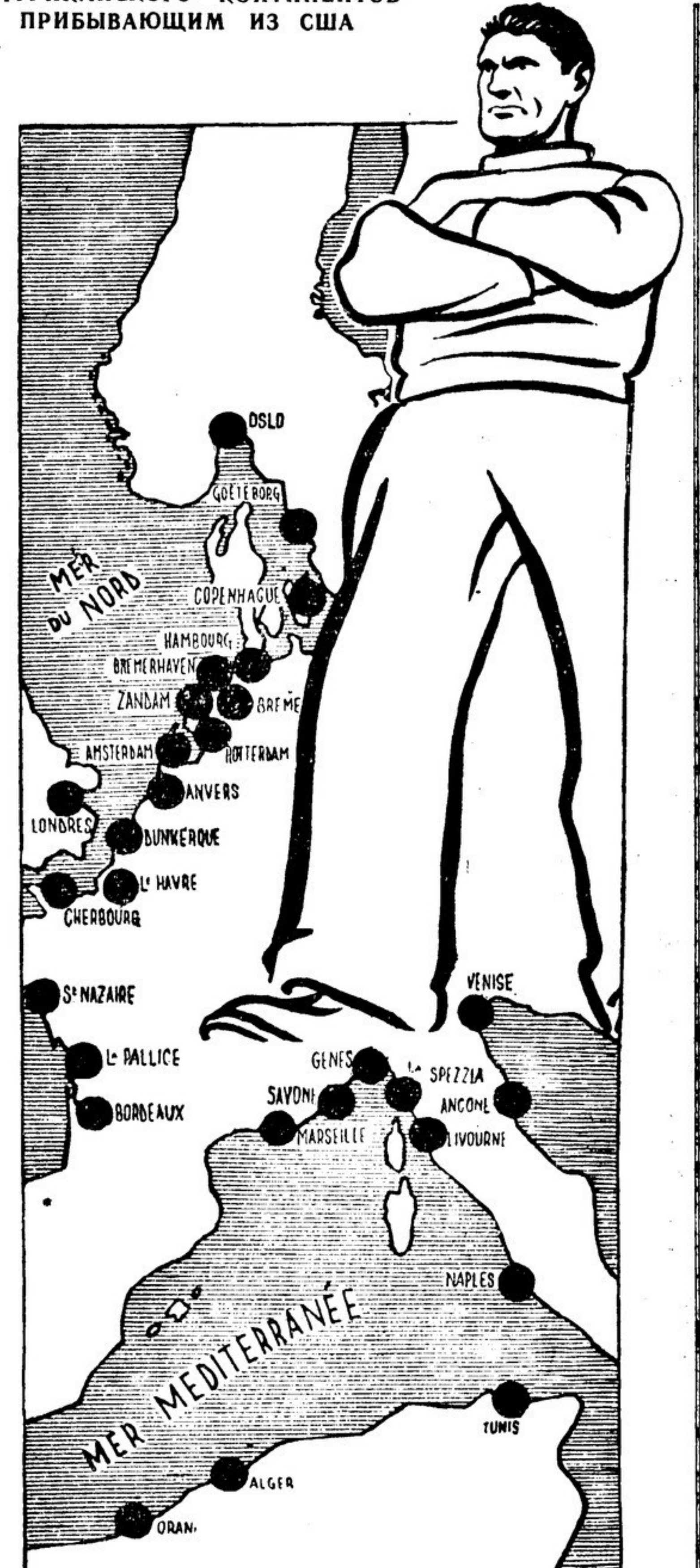
◆ АНКОНА. В январе докеры торжественно обещали не выгружать военные материалы.

◆ ГЕНУЯ. В конце января состоялась конференция портовых рабочих всех портов Лигурии — Генуи, Специи, Савоны, Империи и Вало. Принята резолюция, выражающая непреклонную решимость докеров не разгружать американское оружие и военные материалы, прибывающие в Италию.

◆ ВЕНЕЦИЯ. 8 февраля докеры дали торжественное обязательство не разгружать американское оружие, поставляемое Италию. Аналогичные резолюции были приняты докерами портов Бари, Бриндизи, Таранто и др.

БЕЛЬГИЯ

◆ АНТВЕРПЕН. 7 марта докеры на многоязычном митинге заявили о своем отказе разгрузить американское вооружение. Полиция, прибывшая для разгона участников митинга, была обращена в бегство докерами.

На этом рисунке, взятом из французской газеты «Ля вюэриер», изображены фигура бастующего докера и карта портов европейского и африканского континентов, где рабочие заявили о своем отказе от разгрузки американского вооружения, прибывающего из США.

СЕВЕРНАЯ АФРИКА
◆ Докеры Орана, Алжира, Туниса высказались против разгрузки военных материалов.

Клеветики из «Экономиста» и двойные клеветники из «Британского союзника»

Английский реакционный журнал, специализирующийся на фальсификации вопросов экономики и без достояния на то оснований называющий себя «Экономистом», поместил 4 марта на своих страницах убогий пасквиль.

По мнению клеветников на этого «Экономиста», новое снижение цен в СССР вызвано «результатами учета в конце года товаров», а также тем, что после подсчета «покупательной способности населения» появилась возможность «пойти на уступки» (!?).

Будучи все же ошеломленными значительностью последнего снижения цен в СССР, клеветники из «Экономиста» вынуждены признать, что новые цены «с радостью будут встречены потребителями». Однако тут же «Экономист» старается набросить тень на собственное признание, угрожающе заявляя: время покажет, что «люди могут фактически купить в магазинах».

К огорчению «Экономиста», а заодно и всех других, уже выступивших или еще только собирающихся выступить на эту тему зарубежных клеветников, мы можем довести до их сведения следующее: в марте, по сравнению с февралем, в 60 крупнейших городах СССР среднесуточное потребление мяса возросло на полтора раза, жиров — в два раза, шерстяных тканей — в два с половиной раза, обуви — в три раза и т. д. Таким образом, время уже показало истинную цену рассуждений и прогнозов «Экономиста».

Разумеется, не забота о благополучии советских граждан послужила поводом для упреждений «Экономиста». Рунол дельцов лондонского Сити возмущает другое: а именно — повышение курса советского рубля в отношении фунта стерлингов. Здесь «Экономист» все еще пытается, сохраняя хорошую мину при скверной игре, всеми правдами и неправдами превеличить стоимость фунта стерлингов. Напомним, что и накануне девальвации, когда на парижской бирже доллар за фунт всего 2 доллара 17 центов, Англия продолжала публиковать «официальный курс», определяющий стоимость фунта более чем в 4 доллара. Это управление ни на грош не помыслило реальную стоимость фунта; оно вызвало откровенную репешку органа американских денежных мешков «Уолл-стрит джорнэл»: «Надеясь на англичан больше нечего, разве только США возьмут их на буксир — в качестве 49-го штата, с единой денежной системой — долларом и общей экономической политикой». Утешением «Экономисту» может служить лишь то, что судьба доллара ныне мало чем отличается от весьма неблагоприятной судьбы фунтов из Британского союза.

Несостоятельность клеветников из Британского союза по называемому «Экономисту», по словам бы и доказывает, если бы помещенная ими статья не была с восторженным услужливым перепечатана «Британским» так называемым «союзником» в номере от 19 марта.

Сотрудники «Экономиста», полав вприсам, могут оправдываться тем, что они сидят на своем острове — вдали от СССР и не видят дальше своего носа.

Сотрудники «Британского союзника», проживающие в Москве, лишены даже и такой возможности. Они каждый день наблюдают воочию советскую действительность. И потому их клевета на нас является злостной двоякой.

ЭКОНОМИСТ.

С. МАКСИМОВ Послужные списки финских министров

Приход к власти в Финляндии правительства во главе с премьер-министром Кекконеном — третий акт пахоты строительства политического фарса. В первом акте президент Паскинис лицемерно предложил образовать широкую коалицию из представителей социал-демократической, аграрной партий и Демократического союза народа Финляндии (ДСНФ). Во втором акте правые социал-демократы под влиянием издевательского предлога, будто народные депутаты «мешают» им устанавливать дружественные отношения с СССР (!), отказались от такой коалиции. И, наконец, ныне, в третьем акте, лидер аграрной партии Кекконен благополучно преподнес президенту правительственную комбинацию из аграриев, национал-прогрессистов и членов шведской народной партии — кабинет, представляющий интересы крупного капитала.

Премьер-министр Кекконен не впервые входит в состав финского правительства. В 1939 году он был министром внутренних дел в правительстве Рюти — Таннера, развавшего войну против СССР.

Будучи позже председателем сейма, он не упускал, правда, возможности лицемерно критиковать антисоветский внешнеполитический курс Фагерхольма. Но теперь оказалось, что премьер-министр Кекконен забыл то, чем говорил председатель сейма Кекконен. В правительственной декларации нет ни слова осуждения внешней политики Фагерхольма и его друзей. Новые люди будут делать старое дело.

Правительство Кекконена носит ту же канючую печать реваншизма и американской ориентации, как и правительство его социал-демократического предшественника.

Воспитание подрастающего поколения поручено, например, министру просвещения — члену аграрной партии пастору Хельясу. В мае-июне 1941 года член парламента Хельяс полностью одобрил заключение военного договора с Германией. А во время войны сей воюка в сортуе пастора призвал не жалеть крови для разгрома «москалей».

Очевидно, подобные «заслуги» пастора Хельяса явились лучшей для него рекомендацией, когда он в 1948 году отправился с визитом в Черчиллю в качестве представителя финского парламента. Черчилль заверил Хельяса, что Англия никогда не обходила вниманием Финляндию, будь то посылка к финнам восемьсот лет назад первого «просветителя» — английского епископа Генриха или же поощре-

ние к антисоветским действиям в последнее время.

Министром торговли и промышленности назначен председатель Национального банка Туомия — национал-прогрессист. Первый банкир Финляндии, он заключил с США на кабальных условиях долларские займы, стараясь окольными путями возлечить страну в «план Маршалла». Надо полагать, что англо-американские монополии видолю довольны деятельностью Туомия, ибо они терпят на посту председателя Национального банка только своих доверенных людей. Таковыми являлись бывший президент республик Рюти (одновременно английский и гитлеровский агент) и военный преступник Рангел — премьер-министр в 1941—1943 годах.

Военное министерство передано в руки финского фашиста — лагуаса Титту. Свою военную карьеру министр начал в 1929 году: он был тогда членом штаба Коско, основателя финского фашизма. Этот штаб поставил главарей для фашистских организаций Финляндии.

Министерство иностранных дел возглавляет депутат от шведской народной партии Гартт. Верхушка этой партии представляет интересы лесопромышленников и бумаго-целлюлозных фабрикантов, тесно связанных с англо-американским капиталом. В связи с этим шведская народная партия имеет нечто вроде монополии на руководство внешней политикой страны. Эта партия несет ответственность за политику бывшего министра иностранных дел Виттинга, который помог вовлечь Финляндию в войну на стороне Германии, и его преемника Рамсая, всеми силами противодействовавшего выходу Финляндии из этой войны.

Правительство Кекконена лицемерно утверждает, что оно способно удовлетворить интересы всех групп населения. Однако на деле оно ищет поддержки у крайне правой коалиционной партии, не входящей в правительство, представляющей интересы «двадцати семейств Финляндии». Председатель коалиционной партии Салминен уже обещал эту поддержку Кекконену в обмен на возмещенную им «правильную политику».

Облики в правительстве «людей 1939 года», говор Кекконена с правыми социал-демократами и коалиционной партией, открыто одобряющей «тотальную дипломатию» американских монополий, — все это отчетливо показывает характер политики финской реакции.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН (зам. главного редактора), Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРЧКОВ, П. ФЕДОСЕЕВ.